

Воскресенье, 1984, Зона

«Господа Головлевы» в Художественном театре, — безусловно, одна из лучших, если не лучшая интерпретация известного романа М. Е. Салтыкова-Щедрина на отечественной сцене. Он, правда, ставился нечасто. Во всяком случае, твердых эстетических традиций перевода прозы выдающегося писателя-сатирика на театральную сцену нет.

Как играть Салтыкова-Щедрина? В каком жанре? Л. Додин, режиссер мхатовского спектакля, от новаторства, казалось бы, далек. Что, он нашел новую, резко неожиданную форму для «Господ Головлевых»? Нет. Выгода, сооруженная художником Э. Кочергиным в виде огромной, неприятного тусклого цвета «шубы» выделкой по краям, опоясывает сцену; здесь, в полупустом пространстве мира усадьбы Головлевых, степенно, в ритмах самой жизни будут представлены все наиболее значительные события романа.

На сцене происходит традиционное для Художественного театра психологическое саморассмотрение героев. Додин — режиссер резко оценочный. Но спектакль, который он поставил во МХАТе, это не спектакль-идея, которую можно было бы сформулировать ясно и просто, в двух словах. Это спектакль — тема. Взгляд на мир. На современное состояние человеческих отношений. Именно «современное», ибо режиссер читает роман Салтыкова-Щедрина глазами двадцатого столетия. Это и есть его самое главное новаторство.

Расползаясь по миру, зло обрекает человечество на вымирание. Додин ставит «Господ Головлевых» как своеобразный апокалипсис. Люди все более утрачивают простые привязанности и чувства. На смену человеческим отношениям приходят отношения деловые. Иудушка, которого играет И. Смоктуновский, в высшей степени деловой человек! А вокруг — умира-

ВЕЧНО СОВРЕМЕННАЯ К Л А С С И К А

ют братья, мать, сыновья, Иудушка жив. Страшный смысл вкладывает в свою игру артист. Зло не имеет границ: он играет безграничное зло.

Что есть его Иудушка? Любое определение прозвучит однозначно. Смоктуновский всякий раз выходит за рамки определения. Скажу только, что именно он вдруг впервые объяснил — и доказал, — что Иудушка — человек без фразы. Он не лжет. Не приспособляется. Просто есть таков, это, если угодно, врожденное фарисейство, черта характера, которую его братья и маменька до поры до времени просто не замечают.

Совершенно неожиданно, на мой взгляд, Додин нашел верного союзника в лице А. Георгиевской, одного из ведущих мастеров старшего поколения актеров МХАТа. Арину Петровну, маменьку Иудушки, принято играть как местечковую головлевскую «салтычиху»: яблоко от яблони не далеко падает, какая мать — таков и сынок. О, нет! Как некогда король Лир, не сумевший на закате жизни своей разобраться в собственных детях, Арина Петровна — Георгиевская живет в спектакле на грани помешательства. Первую часть «Господ Головлевых» актриса играет крупно, властно, эффектно. Создает действительно могучий образ: Арина Петровна хозяйничает в Головлеве безгранично и «правит жизнь», как ей вздумается. Но она не умна. Прозрение приходит слишком поздно.

Во второй части спектакля маменьку Иудушки трудно узнать. Георгиевская играет прозрение как трагедию. Режиссер с удовольствием подсказывает исполнительнице ряд приемов и мизансцен, и она смело, с выдающимся мастерством претворяет в

жизнь все его предложения. Ее последняя сцена — сцена смерти Арины Петровны — поставлена и сыграна замечательно: страшный, раздирающий душу крик раздается над головлевским имением; так могут кричать только люди, которые перешагивают из жизни в смерть и видят смерть в лицо.

А потом на исповеди предстанет еще одно действующее лицо; внучка Арины Петровны, Аннинька. Актриса Е. Васильева с беспощадной строгостью играет последнюю степень человеческого падения. Грязная, запущенная, полураздетая фигура медленно, с трудом переставляя ноги, бредет к столу, чтобы выпить последний — за день — стакан водки. Перед нами живой труп. Васильева говорит об Анниньке без сострадания, жестко и трезво, без лишних слов, ибо к чему слова — все ясно и так, с первого взгляда...

Мир опустел. Нет больше в живых братьев Иудушки — Степана (Г. Бурков) и Павла (А. Голиков). Нет в живых его сыновей. Где-то вдаль слышен гробальный звон колокола. Иудушка — Смоктуновский чувствует, что смерть близка. В эти минуты на него страшно смотреть: нет, он не мечется по сцене, не молит о пощаде, не раскаивается в грехах. Иудушка до последней минуты остается философом зла, живым олицетворением порока.

Он гордо примет смерть. Он несокрушим. Но смотреть на него страшно.

Додин нарочно сгущает краски, идет на это сознательно. Его спектакль звучит как предостережение, он говорит о том, что один человек может погубить весь мир...

Еще и еще раз прислушаемся к этим словам.

А. КАРАУЛОВ.